

тривиальны; однако в России они почти отсутствуют и не возникнут до тех пор, пока лица, принимающие решения, не сочтут, что и от политической науки бывает польза. Правда, не знаю, что могло бы их в этом убедить — антисциентизм в этих кругах очень силен.

«Политология» в некотором смысле вполне востребована — прежде всего здесь, а не в мифическом «обществе» идут и даже поощряются «дискуссии о политической системе», да еще такие страстные... Другое дело, что к «станку» все равно не пускают — см. предыдущий пункт.

РЖ Как вы оцениваете состояние крупнейших центров политологии в России?

Оценивать коллег неловко. Во всех названных институциях есть и свои ученые, и свои «политологи», и свои заросли крапивы. Пропорции различны; оптимальной нет нигде.

РЖ Считаете ли вы, что с течением постсоветского транзита политологи упустили возможность стать влиятельной экспертной силой, влиять на принятие решений? Если да, то какие объективные и субъективные причины это обусловили? Если нет — то можно ли это объяснить упадком гуманитарных наук в современном обществе?

Да, упустили — именно потому, что en masse оказались неспособны к разведению рефлексивного и функционального поведения. Политические ученые, неубедительно притворяясь «политологами», не смогли поставить на поток производство операционального, пригодного к практическому применению экспертного продукта. «Политологи», совсем уже неубедительно притворяясь учеными, преуспели, пожалуй, еще меньше, поскольку не обладали даже той минимальной дисциплиной ума и письма, которую дает наука. Власть имущие нигде не любят прислушиваться к «яйцеголовым»; к таким «яйцеголовым», которые даже не в состоянии разобраться с собственной идентичностью, прислушиваться действительно трудно, а часто и противно. Впрочем, за неимением зеркала надо бы глядеться в то, что под рукой, хоть бы и в мутную водицу — иначе можно не заметить опасных новообразований. **Политические ученые всегда останутся при деле — не в этой стране, так в другой** (наука транснациональна). А вот для «политологов» и для государства — пожалуй, что и для страны — такое положение дел рискованно.

P. S. Все вышесказанное ни в коей мере не следует воспринимать как упрек в адрес моих товарищей по «синкретическому сообществу». Какие могут быть упреки? Сам такой. ■

Беседовала Любовь Ульянова

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОСТОЯНИИ ЗАБРОШЕННОСТИ

АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИН —
председатель научно-экспертного
совета Фонда «Национальные
перспективы»

Специально для РЖ

Мировая политическая наука с середины 1960-х — начала 1970-х годов постоянно деградировала. Произошло разрушение самого представления о том, что такое наука. Наука имеет дело с метатекстом, предполагая, что существует какая-то объективная истина. Ежели у вас нет представления об истине, то вы оказываетесь в безнадежной ситуации, когда можете разговаривать, только поставив умный и тонкий вопрос, отделившись от него остротой, и побегать дальше. Или вы обречены на то, чтобы в лучшем случае уходить в область политической философии. Здесь ситуация плоха, но небезнадежна. По крайней мере, в России существуют два или три политических философа, в первую очередь — **Борис Капустин**. Но политическая философия может существовать в ситуации почти полного одичания, просто потому, что для философствования кроме собственной головы и, может быть, нескольких книжек, ничего не надо. Для существования же науки, в том числе политической, нужна профессиональная среда. Есть некий семинар по идеологиям, который ведет главный радатель самоорганизации российского политологического сообщества **Ольга Малинова**. Там собирается 15 человек.

Среди политологов очень плохо с яркими фи-

гурами, которыми и определяется вес сообщества. Можно было как угодно относиться к покойному **Александру Панарину**, но в его творчестве — и тогда, когда это был западнический либерализм, и тогда, когда это стало православным почвенничеством, — существовал некоторый внутренний драйв и внутренняя самосогласованность позиций. Можно было как угодно спорить с **Алексеем Салминым** по поводу его очень специфической концепции «русскости». Но его концепция опиралась на блестящее знание, это всегда было очень тонко, и на уровне экспертизы, и на уровне исследовательских программ. Блестящий потенциал **Вадима Цымбурского** был изведен в никуда. При всех достоинствах его работ о геополитике они были гораздо менее продуктивны в научном смысле, чем то, что он делал в позднесоветский период.

Мне безумно нравятся работы, которые делал **Владимир Нечаев** в конце 90-х, мне по сей день продолжают нравиться работы **Леонида Бляхера**, я во многом не согласен со **Святославом Каспэ**, но его реконструкция того, почему империи являются неизбежностью, кажется мне не лишенной забавности. Это доброкачественные исследования. Весь вопрос в том, что доброкачественные исследования сегодня не нужны никому. ■